

Посвящается всем родителям,
рано потерявшим своих детей

Это не повесть и не рассказ. Это мысли и воспоминания. Здесь почти нет имён. Здесь есть Мать и Ребёнок. Остальное — не важно. Остальное остаётся за границей листа, остальное — у каждого своё. Эти воспоминания написаны от имени всех матерей, рано потерявших своих детей.

Пусть читающий простит меня за сумбурность изложения. Рассказывая о прошлом, мы часто перескакиваем с одной мысли на другую, что-то дополняем уже с учётом нынешней точки зрения.

И у каждой матери своя дата, свой день... И мы, матери, кричим, как кричали тогда, на могиле своего ребёнка... И это наша судьба — жить с этой болью. А время не лечит. Время просто учит жить с этим криком в душе.

Пусть простят меня родные и близкие, что в воспоминаниях на первом месте чувства матери. Хотя отцы, сёстры, братья также несут в себе такую же боль, такие же

переживания. Здесь — просто мать, женщина, родившая ребёнка. И потерявшая его...

Глава первая

«Сын! Сыно-о-ок!» — кричала она, тянулась к нему руками, душой и сердцем, но сын уходил всё дальше и дальше, пока его силуэт совсем не растаял в мареве сна. Лишь оглянулся напоследок, прощаясь...

Сон прервался болью в сердце. Заколотилось оно, затрепыхалось, как будто пытаясь вырваться из груди. Женщина открыла глаза, но слёзы мешали ей что-либо увидеть в темноте комнаты. Она прислушалась к тихому дыханию мужа, пытаясь понять: не разбудила ли она его? Кричала ли она вслух или только во сне? Тихонько встала и, накинув халат, вышла в кухню. Было светло от фонарей, снег пронзительно белел от света полной луны, мирно шелестели часы в простенке. Здесь, на окраине городка, было первоначально тихо, ночь усыпила всех, прикрыв звёздным одеялом укутанные сугробами дома. Лишь изредка тишину нарушали поезда, громяющие колёсами на стыках рельсов.

Женщина под села к столу, вытерла слёзы подвернувшимся под руку полотенцем и стала смотреть в окно. Собака, почувствовав движение, подошла к тёмному стеклу, с минуту смотрела, пытаясь разглядеть лицо хозяйки, и побежала по двору.

Сердце стало успокаиваться, стучать ритмично, без перебоев, и боль прошла, затаившись для очередного броска.

Женщина привыкла к таким ночным посиделкам на кухне: два года назад у них погиб сын. Четырнадцать лет назад прицепилась к нему эпилепсия, появившаяся без особых причин, но сломавшая ему всю жизнь, перечеркнувшая все его мечты и возможности. Каждый приступ был как маленькая смерть. И во время последнего приступа пришла смерть настоящая, чёрная и страшная. Всего пять минут сын был один. Упал он в судорогах около почти прогоревшего камина, но жару хватило, чтобы загорелись на нём куртка и шапочка. Муж зашёл в дом, когда сын горел... И хоть процент ожога был небольшой (на лице даже ресницы не обгорели), были повреждены рука, уши, шея и, самое главное, лицо... Семнадцать дней реанимации — и... всё...

Слёзы опять побежали по щекам. Они жгли кожу, срываясь и падая на сплетённые пальцы рук... Два года непрерывной душевной боли, мук и переживаний.

Она редко видела сына во сне. За два года всего лишь раза три, и то неясно, мимолётно, силуэтом. Она просила Бога дать ей возможность хотя бы одним глазком взглянуть на сына, пусть и во сне, но, видно, было у Бога опасение, что она уйдёт за сыном, не проснувшись, раньше срока. В сегодняшнем коротком сне она впервые успела рассмотреть его глаза и улыбку, кинулась к нему, чтобы обнять, прижать, но... Безжалостно короткий сон...

Часы на плите беззвучно отсчитывали минуты, помигивая красным светом. Слёзы не принесли облегчения, лишь пришло ощущение чёрной глубины, пустоты и боли: слёзы горя — тяжёлые слёзы.

Женщина встала, вымыла заплаканное лицо, вздохнула с тихим всхлипом и вернулась в спальню. Осторожно прилегла рядом с мужем, закрыла глаза. Тридцать второй год шёл сыну. Ушёл, не оставив ни жены, ни детей. Всё не складывалось как-то... Остались лишь одни воспоминания.

Воспоминание первое

День выдался хлопотным. Сварила обед и пораньше, пока нет духоты, — к маме, проведать. Мечта была — накопать свежей картошки: ну очень хотелось! Ребёнок пинался в животе, просясь на Божий свет, но ему было, по моим расчётам, ещё рано. Муж — на работе, дочка — в садике, настроение хорошее, чай у мамы вкусен, картошка накопана — здорово! Да ещё и огурцы малосольные в пакетике! Вприпрыжку за автобусом (домой надо успеть до пяти часов): муж перед отпуском работал последний день и собирался по малину куда-то в сторону Абакана.

Только мужа проводила на поезд — пришла подруга с просьбой:

— У дочери день рождения. Можно сходить в ведомственный магазин за конфетами и чем-нибудь вкусеньким?

Да пожалуйста! Сходила в магазин, купила что требовалось, чаю попили, поболтали. Пришла племянница Наталья переночевать у меня за компанию, подстраховать. Всё! Устала! Дочка накупанная спать легла, картошка отварена,

огурцы на столе ждут. Сейчас в тишине с племяншкой сядем, покушаем... Ой, что-то закрутило меня!

— Однако, я рожать надумала!

— Да ну, что вы говорите! Ещё же две недели!

— Правда-правда! По-моему, сейчас рожу!

— Давайте подождём! Чуть что, скорую и вызовем!

— Ночь скоро. Кто двери тебе откроет позвонить?

Пошли к твоим, пока ещё не поздно.

Поплелись. Сестра старше, опытнее. Пересчитала срок:

— Да тебе через два дня рожать, каких две недели! Что ты насчитала? Пошли давай, в роддом отведу!

Роддом был рядом, через улицу. Пришли, устроили меня в палату — успели. Ночь, все спят. Дежурная акушерка Галина Сергеевна обошла отделение, прилегла на пустую соседнюю кровать.

— К утру, девонька, родишь. Отдыхай!

И захрапела. Так. Похоже, не к утру — раньше рожу. Крутит сильно.

— Галина Сергеевна, хорошо уже хватает!

— Считай схваточки, считай! Утром родишь, не бойся!

И храпит. Да так аппетитно!

— Ой, Галина Сергеевна, вы посмотрите, рожая ведь!

— Да, да. Сейчас посмотрю. Считай схваточки, считай!

И снова храпит. Губами причмокивает. Меня смех разбирает: я ещё ни разу не встречала, чтобы человек так быстро от яви ко сну переходил. Только что разговаривала — и тут же храпит! А схватки уже настоящие, лоб вспотел, кости расходятся.

— Галина Сергеевна! Рожая! Я и дочь быстро родила! Посмотрите!

— Да? Сейчас, сейчас! (Хр-р-р!) Встаю. (Хр-р-р!) О-о-о! Побежали на стол, побежали! Да брось ты тапочки — бегом, бегом! Поздравляю, сын у тебя! Хорошо заорал, сразу же! Три двести. Сорок восемь сантиметров. Пуповина вот голову обмотала, но всё в порядке.

Я потом не нашла нигде даже записи про пуповину. Может, это и послужило причиной будущей болезни, сейчас и не узнаешь... Почти все врачи отрицали такую связь, только врач Центра восточной медицины, куда мы с сыном обратились после того, когда ему от лекарств и лечения

стало хуже, свой первый вопрос задал именно такой: «У него при родах голова не была обмотана пуповиной?»

Воспоминание второе

Исполнился сыну год, отвели его в ясли. Пошёл так, будто всё там знал. Спокойно, с удовольствием, без капризов. Только вечером приходили за ним с плюшкой-печенюшкой: ужина в яслях не было, в пять часов детей разбирали. Странно, но первое его слово после «мамы-папы» было «кран» — напротив наших окон дом новый строился. Дочка с ним играла с удовольствием — в детстве они жили дружно. А вот когда подросток и стали его независимость и самостоятельность проявляться, тогда и могли спорить между собой. Как-то перед самой школой оставили дома под строгим запретом: «Не выходить!» Наказан за что-то был. Пришла после работы — нет никого! Домываю полы — заявляется чудо-чудо! И с порога:

— Я хочу оставить за собой право ходить на улицу, когда мне надо!

Едва сдерживаю смех:

— О, какая декларация прав человека! А я хочу оставить за собой право поддать тебе вот этой тряпкой, если ты уйдёшь, не сказав куда и не выполнив своё задание по уборке квартиры!

Конечно, не поддала. Дети желанные, любимые. Муж с удовольствием с ними возился вечерами, пока я на кухне своими делами женскими занималась. Дочь на три года сына старше была, такая самостоятельная. Хорошие дети.

Воспоминание третье

Школа началась — пошли проблемы. Как-то ему было тесно в этих школьных рамках, тяжело было корпеть над задачками, стараться выводить буковки. Сын с детства всё разграничивал: это ему надо, а вот это не надо. Правило учить — не надо, книгу «Век океана» читать — надо. Практик был по характеру — рано стал всё делать своими руками. Во втором классе мог подключить розетку (главное, даже не отключая напряжение!), починить утюг. На подоконнике у него вечно был склад всяких железячек, где что-то мигало, разговаривало, крутилось. Откуда он это знал и умел? Мы с мужем далеки от электричества, а он рано начал ремонтировать транзисторы, радиоприёмники.

Лет в десять был у него конфликт. Сын дружил ещё с пятью мальчишками. Вот они однажды в подвале соседнего дома комнату заброшенную нашли, убрались в ней, решили «качалку» сделать. Сын смонтировал всю электропроводку, с лампочками, розетками и выключателями. А старшие подростки их выгнали — сила была на их стороне. Он тогда снял все провода и унёс. И даже когда они ему подвесили огромный фингал, не уступил: «Сами делайте». Характерец у него был ещё тот, упрямый!

Чутьё у него было на всё электрическое, Самоделкин настоящий. И электричество его слушалось. Когда подрос, мы вообще забот не знали: мотоцикл, машина, антенна, телевизор — хоть что мог отремонтировать. После седьмого класса ушёл из школы, пошёл работать. Параллельно окончил вечернюю, курсы по ремонту телерадиоаппаратуры при учебном комбинате. В компьютеры, правда, не лез. Болезнь и здесь ему не дала возможности жить: каждый приступ стирал часть его памяти. В нём был огромный потенциал умения, который из-за его упрямства, поперечности, болезни так и остался нераскрытым. Может, и мы, родители, что-то упустили... На второй день после похорон в доме электричество «сошло с ума»: что-то перегорало, мигало, не работало. Видно, так оно с ним прощалось...

Воспоминание четвёртое

А вообще добрым был. Как-то на моё предложение записаться в секцию карате философски ответил:

— Мама, вы же знаете: я не могу ударить человека!

Лет десять ему было... К девчонкам всегда относился уважительно, никого никогда не обижал, не обзывал. Мы его называли джентльменом.

Лет восемнадцать ему было — сдружился он с одноклассником нашей дочери, пришедшим из армии. Знал его и до службы, только тогда больше ощущалась разница в возрасте. Зима, почти ночь. Жду, когда зайвится домой. Мы ведь уже были взрослыми, попивали пивко с друзьями! Хорохорились. Форточка открыта, слышимость отличная — примораживало. Идут два другана, языки заплетаются! Друг бубнит, на жизнь жалуется:

— Да я же взрослый мужик! Я музыку хочу слушать, и слушать громкую! А мать мне выключает, кричит на меня! Дура старая! У меня весь драйв от громкости!

И сын отвечает:

— Не-е-ет, Андрюха, ты не прав! Мать есть мать, её уважать надо! Слушай на полную громкость, когда один дома, а так — уважь! И не рычи так на мать, а то в морду дам!

Я его заужала! Честно, они не знали, что я их слышу. И за всю его короткую жизнь я ни разу не слышала от него грубого слова ни в свой адрес, ни в адрес другой какой-либо женщины. Боже, какое от него шло душевное тепло, когда он при встрече обнимал меня, приехавшую после очередного курса химиотерапии... Мой бедный больной сын поддерживал меня, ослабевшую после операции, всем своим сердцем... Иногда мне сейчас кажется, что я живу его жизнь...

Воспоминание пятое

Шкодливый был. Лет в семь попалась ему книга «Физика у нас дома». Каждый раз, возвращаясь домой, я не знала, что ожидать. Дома что-то взрывалось, горело, чем-то пахло. Я находила гнутые спицы, градусник, обмотанный проволокой, остатки какой-то пластмассы. А однажды, убираясь дома, я вымела из-под его кровати... презерватив! Волосы на голове встали дыбом, мысли очень нехорошие возникли сразу же. Но дети же ещё маленькие! Откуда?! Едва дождалась, когда они придут домой. После расспросов выяснилось:

— Я опыты ставил. Просто у меня воздушного шарика под рукой не было!

Позже, уже лет в семнадцать, я снова нашла у него презервативы. Ну, тут что скажешь? Вырос!

— Сын! Почему они на полке лежат, среди книг? В спальне, в шкафу, под постельным бельём пусть и лежат в одном месте!

— Я знаю. Но это не мои.

— Чьи?? Почему у нас??

У друга мама не разрешала, а им очень хотелось покрасоваться! Мол, взрослые! Вот и нашли место для хранения.

Воспоминание шестое

С женщинами ему не везло. Верил всем. И нарывался на обман. Но всё равно снова верил. За десять лет его взрослой жизни была и любовь, было и желание создать семью. Он хотел, чтобы у него были жена, дети, работа. В семнадцать

лет задружил с соседкой. Глядели друг на друга такими глазами, что я думала, что вот-вот стану бабушкой. Как вдруг без объяснения причин девочка выходит замуж за другого. Переживал, конечно. Напился, протрезвел и сказал:

— Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло!

Простил. Стал жить дальше. Было это ещё до первого приступа. Может, нервное переживание тоже внесло свою лепту в болезнь?

Позже, года в двадцать три, привёл молодую женщину, ровесницу, правда, уже с ребёнком. Мы отнеслись спокойно: женщина нам понравилась, шустренькая, на рынке работала. Познакомились с её родителями, посватались, сын при всех её руки попросил. Получил согласие, стали жить. А через два месяца услышал от неё:

— Я люблю твоего друга, а не тебя.

И перебралась к другу, родила ему сына, да через два года сама ушла из жизни. Стала сватья растить двоих внуков, а зять болтаться по городу. Пил, пока не встретил «белочку». А сын переживал за него — друг всё-таки! Мы, встречаясь с несостоявшейся сватьей, плачем, вспоминая своих детей...

А третья «дама» была такая вертихвостка, прости меня Господи, что он сам её через три месяца выставил из квартиры, которую мы им сняли... После этого он не делал попыток знакомить нас со своими пассиями, всё говорил: «Надо будет — познакомлю...» Видно, уже не верил...

К слову сказать, он по натуре был всё-таки оптимистом. Помогало ему в этом чувство юмора: любил пошутить, посмеяться. Даже над собой всегда подтрунивал. Я понимаю, если бы не эти его качества, он просто не сопротивлялся бы болезни, сдался бы, как многие в его положении и делают.

Глава вторая

Первые месяцы были просто чёрными. Дышать не хотелось. Лечь и умереть, чтобы уйти туда, к сыну. Увидеть его, обнять. Попросить прощения. За то, что не уберегли, не вылечили, не досмотрели... Руки помнили ёршик сыновних волос, когда мать его гладила, лежащего в гробу, чёрного, обгорелого, в коростах. Всё отболело: уши, кончик носа,

губы... Вместо глаз — сплошная корка. На щеке и сбоку на висках врачи уже начинали потихоньку эти коросты отмачивать, видна была розовая кожа. Больше не успели... Ноги под брюками прощупывались как одни кости, за три недели стали худыми-худыми...

Муж винил себя. Зачем он вышел на эти пять минут из дома? Почему не задержался? Не помог? Как ему доказать, объяснить, что не его вина в этом? Не найдёшь виновного в таких делах, всё связывалось тугим узлом, всё складывалось по чьему-то велению сверху... И приступ мог быть не в эти минуты, и упасть он мог в сторону, и сидел он далеко от камина, и камин мог быть остывшим, и решётка на камине могла быть целой, а не сломаться за неделю до трагедии. Много чего «могло быть», а исход один — смерть. И у каждого она приходит в свой срок.

Придя с работы в первый день после похорон, муж, пряча заплаканные глаза, вдруг сказал:

— А меня не взяли. Я хотел, а меня не взяли.

— Кого не взяли? Куда?

Жена испугалась. Первая мысль: муж неадекватен.

— О чём ты?

— Я просился. Хотел. А меня не взяли...

— Кто? — она заглядывала мужу в лицо, пытаясь поймать взгляд.

— Я утром тебе ничего говорить не стал. Я сон видел, маму. Она стояла в калитке дома с кем-то, что-то говорила. А за ней такой вид был красивый, такие краски яркие, я здесь таких не видел. Я побежал к ней, кричу, а она повернулась и перед моим носом калитку закрыла. Я снова её открываю — там, серо, пусто, никого нет... Ни мамы, ни сына, ни красок ярких...

— Значит, рано тебе уходить. Надо жить здесь. У нас ещё дочь, внуки. Ради них будем держаться.

После девяти дней дочь уехала в город, и они остались вдвоём с мужем. Стало ещё труднее. Разговоры были лишние, ненужные. Но и тишина давила сердце и душу. Часто ночью они лежали тихо-тихо, каждый со своими думами. Чувствовали, что другой не спит. Молча рукой проверяли друг друга: не плачет ли? И вытирали слёзы. В этом жесте были обоюдная поддержка, понимание, забота. Без слов.

Женщина держалась. Понимала: сломается она — разрушится семья. Из последних сил она вытаскивала себя делами из этой чёрной ямы. Проводив мужа на работу, она варила, убирала и шла в ремонтируемый дом штукатурить. Протапливала камин. Глядела на огонь и плакала. Душа рвалась и кричала. И ей хотелось кричать в голос, надрывно, долго, выплёскивая всю боль, чтобы не сойти с ума, не наложить на себя руки. Но лишь поскуливала от этой боли, качаясь из стороны в сторону, не видя ничего, кроме огня, забравшего её сына.

Преодолевая слабость, вставала, разводила раствор и мазала стены. Давала себе задание: надо сделать вот этот проём. Задышалась, руки дрожали, но она заставляла себя работать, выполнить запланированное. Понимала: надо. Понимала: только не расслабляться. Понимала: должна. При муже старалась не плакать, бодрилась, насколько это было возможно. Успокаивала его: наш сын не единственный, кто ушёл рано. У многих знакомых дети тоже погибли в юности, каждый по-своему. Скорее всего, она так успокаивала себя.

Прошли сороковины. Жизнь заставляла их заниматься делами, общаться, что-то делать. На людях было легче держаться. Хотя друзья и родственники помогали, поддерживали — всё равно, каждому плакать в жилетку не будешь, заботы у каждого свои. Иногда, правда, разговор с тем, кто тоже потерял ребёнка, так будоражил душу, что слёзы лились сами, удержать их не было сил. Как сквозь прорванную плотину, вырывалось всё наружу, выплёскивалось, выплакивалось... Но боль не становилась меньше или слабее. Время просто учило их жить с этой болью, запрятав её в потаённые уголки сознания.

Воспоминание седьмое

Любил быть на речке. Порыбачить, посидеть с удочкой. Не для ловли рыбы — для удовольствия. Просто нравилось посидеть на берегу, помечтать. Была у него мечта — второй раз сплавиться по Мане. Первый раз, ещё до болезни, сплавливался с пацанами на трёх лодках. Старшим с ними был мой знакомый, опытный путешественник, бывший военный. Без него, наверное, не рискнула бы отпустить: им было тогда всего по семнадцать, а Мана — река небольшая, опасная. Вернулся такой довольный, счастливый. Альбом с фотографиями вон лежит, на полке. Открою —

посмотрю, поплачу. Здесь всё ещё впереди, ещё здоровый, радостный, влюблённый... За месяц до смерти на дощечке нарисовал пейзаж: речка, лес, костёр, палатка... На мраморе памятника ему мы эту картинку и выгравировали...

Было ему лет одиннадцать, когда сказали мне, что, мол, не должитель он у нас. Он рискованный был, смелый, и я, как всякая мать, переживала за него. Но не сидеть же, не ждать смерти? Я эти слова постаралась не брать в голову. Просила его быть поаккуратнее, да разве они, мальчишки, будут слушать? Как-то сосед по площадке остановил меня:

— Вы знаете, ваш сын через крышу на балкон сегодня лазил.

— Как лазил? Ведь пятый этаж!

— Да, да. Пятый этаж. Залез на крышу и запрыгнул на балкон.

— Господи, у него же ключей не было, он же дома сидел.

— Видно, вышел, а назад — уже через балкон. Я сам так испугался, когда увидел. Сколько ему? Лет одиннадцать? Двенадцать?

В это же время вдвоём с другом вечером удрали на дачу с ночёвкой. Как они до неё добрались, на чём? Пешком, наверное. Я ночь пропрыгала, утром первой электричкой — туда. Спят на веранде, холодно, закутались в одеяло и старое пальто, оба чумазы, в саже. Глазами хлопают на меня. И смех и грех! Махом огород полили! Вообще, дружба у него была на первом месте. Сколько раз ругались: надо на огород, а у него свои дела. Ещё бы лет в восемнадцать — это было бы понятно, но в восемь-десять лет... Упрётся, как барашек: нет, и всё!

В первом классе подарил моё кольцо какой-то девочке, так, на память! Было бы попроще — подарил да подарил. Но ведь золотое, подаренное мужем на день рождения дочери. Так и не сказал кому.

— Вырасту, куплю тебе такое же. Но не скажу!

Вырос, но купить не получилось. Уже лет двадцать пять ему было, сидели, смеялись и вспомнили этот случай. Говорю:

— Сын, дело не в кольце, но кому подарил? Что за девочка?

Так и не сказал, отшутился. Упрямство было у него в крови. Было своё понятие о честности, долге. Когда в седьмом классе решил покончить с учёбой, долго меня обманывал: так живописно рассказывал, как ходит в школу, по

какому предмету что спрашивали, что получил... Я слушала, пока не теряла терпение: «Ты же сегодня вообще в школе не был!» Тогда сознавался: да, не был. В бумагах до сих пор лежит записка: «Ваш сын пропускает уроки...» А молодую учительницу жалел, когда её мальчишки на уроке доводили, не слушались. Вот меня можно было обманывать, а где-то, может, лучше и не сказать всей правды — скажет всё честно. Но ложь ради своей выгоды, в ущерб кому-то — никогда. Или упрётся: «Не буду говорить!» Всё! Хоть кол на голове теши. Если помощь кому нужна — ночь за полночь идёт, помогает. Надёжный. Так о нём друзья на поминках и сказали, когда я их спросила, какой он был в отношениях с ними.

Глава третья

Сказать, что со временем стало легче, — ничего не сказать. Да, они с мужем делали все дела по дому, ходили на работу, встречали друзей. Стали включать телевизор, который долго стоял молчаливым напоминанием другой жизни. Да, они стали иногда и смеяться, и шутить. Жизнь продолжалась. Они это понимали, старались держаться в рамках внешнего спокойствия. Одна часть их сознания существовала в этих рамках, другая постоянно помнила и кричала: «Сын!» В этом крике вмещалась вся боль потери, сердце стучало в ритме: «Сын! Сын! Сын!» И перехватывало дыхание: никогда они его не увидят. Никогда! Умом это понять можно, но сердце продолжает ждать.

Женщина как-то раз поймала себя на мысли: ей стало больно видеть чужих детей. В каждом ребёнке ей чудился сын, его детство, его поступки. Она подсознательно сравнивала сына и чужих детей, и сравнение всегда было в пользу сына... И лишь летом, через полгода после похорон, когда приехали внуки на каникулы, она отошла сердцем. Везла внучку к приятельнице, а там — ребёнок, девочка полутора лет, с такими ясными глазёнками! Они и растопили лёд в душе. Тогда женщина впервые за полгода смогла прижать к груди чужого ребёнка, погладить, посмеяться с девочкой.

Муж страдал по-мужски, молчаливо. Стал чаще ходить к соседу, молодому парню, с которым сын перед смертью сдружился. В общении находил отдушину: вместе что-то обсудят,

помогут друг другу. Относился к нему по-отцовски, с заботой. Переживал за него. Были у того проблемы после Чечни...

Лето принесло много дел по дому, по хозяйству: надо было закончить ремонт дома, внуки и огород требовали внимания. В этой сутолоке подкралась осень, затем и первая зима в одиночестве. Супруги поддерживали друг друга, стараясь говорить и вспоминать что-нибудь хорошее. Но иногда в это кажущееся спокойствие прорывались воспоминания. Тогда они разговаривали о сыне, выуживая из памяти любые, даже мельчайшие, подробности из детства, молодости... И, обнявшись, плакали, успокаивая самих себя. А потом снова жили дальше.

Воспоминание восьмое

Было ему лет пятнадцать-шестнадцать, сейчас и не скажешь точнее. В вечернюю пошёл сам записываться, потом друга уговорил. Друг был маленький, худенький, с огромными красивыми чёрными глазами. Штирлицем звали почему-то. Друг раз остался ночевать, второй. Объясняет: мать пьёт. Где она сейчас, он не знает. Сын предлагал его усыновить. Так друг и живёт почти месяц. По дому мне помогает, вроде повеселел. А тут разболелся что-то. Я испугалась за него, а врача сразу вызвать и не знаю как: документов нет. Почему у меня? Где родители? Что тут объяснишь? Побежала разыскивать его тёток, нашла, проводила. Самое трудное было объяснить сыну, почему его другу надо домой или хотя бы к тётке.

Тот потом приходил, какое-то время дружили, пока их пути года через два не разошлись. Наркотики. Сын, если и пробовал что-то курнуть, был против них категорически. Может, кто-то скажет, что, мол, мать выгораживает. Нет, я переживала за этот момент, и когда сын в первый раз попал с приступом в больницу, сразу же спросила врача. Он успокоил: «Нет». Эта беда его не коснулась...

Воспоминание девятое

Не буду говорить про болезнь. Тяжело, больно, да и вообще... Просто приходилось жить с учётом приступов, с учётом того, что многое нельзя. А он гордый был, ему было трудно признаваться себе, что он инвалид. С работой была проблема. Где устроится, там обязательно произойдёт

какая-нибудь неприятность. Работал в ателье по ремонту телерадиоаппаратуры, довольный был очень, нравилось ему там. Мастер попался человечный, спокойный. Я ему до сих пор благодарна за понимание. Но хозяин решил сократить своих работников. Конечно, сократил нашего сына.

Потом устроился сторожем на пилораму. Рядом с домом, всё хорошо. Проработал месяца три — и снова несурезица. Ночью была сильная гроза, а у него, видно, приступ случился в это время. А наутро ему говорят, что с «Урала» аккумуляторы сняли. Он их и не видел, про них даже не говорили. Автомашина вообще «левая» была. Позже мужики рассказали, что эти аккумуляторы снял свой же работник. Но «наехали» на сына, мы заплатили за эти аккумуляторы, хотя знали, что можно было и поспорить. Сын даже не был оформлен на работу, и с должностными обязанностями его никто не знакомил. Мы заплатили за свою фамилию, за сына. Для нас это было важнее.

Глава четвёртая

День годовщины выдался морозным. Лес на кладбище стоял заснеженный, молчаливый, лишь дятел где-то постукивал по лесине. Памятник ещё не был установлен — стоял просто деревянный крест, из-под снега виднелись цветы на венках. Здесь можно было не сдерживаться, и женщина, отвернувшись от остальных, съёжившись на скамейке, молча плакала. Ей казалось, что сын здесь, она видит его фигуру, лицо, слышит его голос. Муж нервно курил рядом, изредка наклоняясь, чтобы то смести снег, то поправить цветы. Он прятал глаза, стараясь незаметно вытереть слёзы. А те, что не успевал вытереть, маленькими льдинками повисали на усах. Холод быстро выморозил тепло, застудил сердце. Женщине казалось, что жизнь её тихонько замедляет своё биение, сжимаясь где-то внутри в маленький комочек, становившийся всё меньше и меньше. Ещё чуть-чуть, и она тихо покинет этот мир. Остановилось время.

Муж, переживая за неё, приобнял за плечи:

— Пора, милая, пойдём, а то застудишься. Тебе нельзя простывать.

Она подчинилась ему, медленно убрала со столика. Вернулись домой. Внутренний озноб не покидал её весь

вечер. Машинально она делала все дела, накрывала стол, сидела со всеми, что-то говорила, вспоминала, рассказывала. Внешне всё выдержав. А внутри — мысли, картинки трагедии, звуки... Вот год уже прошёл. А как будто вчера. Как будто вот только что — сын, с ожогами, не понимающий после приступа, что случилось, пытающийся куда-то пойти, что-то делать. Фельдшер со скорой помощи, ставившая противошоковый укол. Улицы заснеженного городка, сирена, приёмный покой хирургии. Утомительная процедура оформления. Вещи сына, пропитанные запахом гари. Чёрные, обгорелые губы, нос... Каталка. Последний поцелуй, последнее поглаживание здорового плеча, руки. И всё. И голос главврача, которому она позвонила ещё до приезда скорой: «Да что вы переживаете?! Лицо, рука? Это процентов пятнадцать ожога. Ничего страшного, не бойтесь! Молодой, крепкий. Выживет!» Не выжил...

За год они не могли найти хорошую фотографию сына. Расспросили друзей, родственников, перерыли все альбомы. Все фото были или нечёткие, или мелкие. Знакомый художник по имеющимся фото нарисовал портрет. Он ухватил взгляд с лукавинкой, полуулыбку, теплоту души. Но супругу, в отличие от неё, портрет не понравился: «Не сын». Женщина с дочерью уже обговорили вариант памятника без фото, как за неделю до годовщины, совсем случайно, в шкапулке, где даже не предполагалось фотографий, нашлась одна маленькая, но чёткая, с которой вышли портрет и фото на памятник. С лёгкой улыбкой сын смотрит прямо в глаза, вскинув голову. Во взгляде, немножко с грустинкой, — вызов человека, будто знающего свою судьбу...

Воспоминание десятое

Перед самой смертью он два дня был какой-то спокойный, грустный. Третьего января пришёл домой: уходил на квартиру отмечать с друзьями Новый год, — выспаться в тишине. Из Иркутска приехала дочь с внуками, стало тесно, шумно. Жили в летней кухне — дом стоял полуразобраный, в зиму успели вставить окна, постелить пол да камин начерно сделать. Вот сын и убежал на праздники. Что греха таить: думала, вернётся выпивший. Но нет. Пришёл трезвый, спокойный, молчаливо всё делает, сядет, глядит в

окно, весь в своих думах. Спрашиваю, пытаю: что, мол, случилось? Всё ли в порядке? Отвечает, что всё нормально, всё хорошо. Прижму к себе, приглажу волосы. Думаю, ладно. Попозже расскажет.

Шестого января муж уехал в деревню, там кто-то из родственников умер. Мы с дочерью рождественский ужин готовим, тесто катаем. Внучка спрашивает:

— Баба, а у дяди давно приступ был?

Вот почему она спросила? Тоже что-то чуяла? Детским сердечком чувствовала? Отвечаю:

— Да как бы не должен, в конце декабря был, ещё рано.

А сама приехавшему мужу говорю, чтобы он приглядывал за сыном: ни с бензопилой, ни с электроинструментом не давал работать. Да судьбу не обманешь. Проклятые пять минут! Так, видно, было предопределено: ни раньше, ни позже случился приступ. Видно, потянулся он выбросить окурок в камин, когда его крутануло прямо на горячие кирпичи... Синтетическая куртка вспыхнула моментально. Был бы в сознании — скинул бы её одним махом, а тут... Муж в дом заходит — сын горит. Оттащил его, стал голыми руками тушить огонь, срывая сплавленные куски куртки. И только когда всё потушил, рванулся в кухню с криком:

— Сын обгорел, вызывай скорую!

Господи! Десять минут, пока ехала скорая, мне показались вечностью! Честно говоря, я думала, что сын выживет. Ну, останется на носу ожог — сделаем пластику, это не самое страшное. Живой же, в сознании, на руке волдырь уже слез, реснички даже почти не обгорели. Лет семь назад кипятком обварился (на руках шрамы до сих пор) — даже в больницу не обращались. Что в реанимацию не пускают — тоже понятно: ожог — вещь воспалительная, любая инфекция опасна. Приезжала утром и вечером. Выходил врач-реаниматолог, сжимал кулаки в карманах халата:

— Ничего определённого пока сказать вам не могу. Ждите три недели. Сейчас мы его держим в искусственной коме, на аппарате искусственного дыхания. Первый день не страшный, потом опухоль, токсикоз от отравления организма. Необходимо проверить лёгкие: может, и там отравлено. Ещё ожидаем повышение температуры. Всё зависит от того, как справится организм.

— Может, в Иркутск его увезти?

— Мы созваниваемся с областным ожоговым центром. Лечение всё согласовано. Вы его можете не доездить. Всё зависит от времени и его организма. Ждите. Молитесь и ждите.

За неделю проверили всё: в лёгких чисто, опухоль спала, температура прыгнула в один день до тридцати девяти и снова стала в норме. Почки работают нормально, справляются. Отменили наркоз. А сын не возвращается... Не выходит из комы... Ждём, ждём, каждый день ждём... Пошла третья неделя. До окончания обещанного срока остаётся несколько дней. Врач предупреждает, что кома длится неправильно долго, даже если он из неё выйдет, то нужна будет реабилитация. А между собой говорят о том, что он, когда лежал лицом на кирпичах, сильно припёк мозг. И что он, скорее всего, будет неадекватным, даже если придёт в сознание...

Глава пятая

Часто, оставшись дома одна, женщина вспоминает всё до мельчайших подробностей. От звонка врача, известившего её о смерти сына, до засыпанной снегом могилы. Как она ехала к мужу на работу, чтобы сказать о смерти сына, не видя сквозь слёзы дороги. Лишь в ушах крик кумы: «Не садись за руль!» В те дни она не осознавала, что делает, всё получалось автоматически, будто ею кто-то руководил. Она не падала в обморок, не кричала, не рвала на себе волосы. Она застыла, сжавшись в единый комок нервов, чтобы выстоять, ничего не упустить. Решала вопросы, выбирала одежду сыну, отвозила её в морг. Приходили люди, родственники, друзья. Затянули шторами стены в доме, приготовили всё для последней ночи прощания. В мыслях была тяжёлая картина: сын лежит где-то внизу, в подвале больницы, на каталке, раздетый, одинокий, прикрытый лишь чужой простынёю... Как ему там холодно и одиноко!

Эта мысль жгла её до тех пор, пока сына не привезли домой. Работники ритуального агентства деловито занесли гроб, поставили его на табуреты, открыли крышку... Мать рванулась:

— Сын! Мишенька!

И быстро прикрыла покрывальцем лицо — обгорелое, в чёрных коростах,— чтобы внуки не напугались... Уже

потом, сидя ночью у гроба, она открыла ему лицо, гладила мокрые волосы, розовую кожуцу на щеках, где успели очистить медсёстры в реанимации... Три подруги сидели с ней всю ночь, топили камин, плакали, а вспоминая его проделки и шутки, смеялись над ними — и снова плакали. И ей казалось, что сын тоже рядом посмеивается над своими детскими проказами, совсем не обижаясь на их смех сквозь слёзы.

В день похорон народу было очень много. Она, с опухшим лицом, молчаливо кивала входящим и, предупреждая слова соболезнования, говорила:

— Держусь. Держусь.

Неумолимо приближался час выноса. Приехал батюшка отпевать — сын был крещёный. Раздал свечки, воскурил ладан. Она стояла около гроба, держа в руках тоненькую свечку. Таяла свеча, таяло время. Вдруг сжалось сердце — она прямо душой услышала сына: «Мама, зачем? Ты же знаешь, я не любил всё это». Так же мысленно она ответила ему: «Сын, ну пусть будет у тебя там тот, кто встретит и проводит». Затем катафалк, вынос гроба, снег... Люди... Улица, запруженная машинами... Последняя дорога... Холод.

Воспоминание одиннадцатое

Знаешь, много было мистики в эти дни. Хочешь — верь, хочешь — не верь. В день смерти вышла за племянницами на улицу из кухни, провожаю их. Стоим. Вдруг как нахлынул на меня запах, такой резкий, мощный, запах какой-то заморский, экзотический. Я в Таиланде была, там так магнолия пахла. Или мурайя так пахнет, когда цветёт. У нас она давно растёт, пряный очень запах. Я сначала головой закурила:

— Девчонки, это у вас духи такие?

А они отрицают, ничего не чувствуют. Я их убеждаю:

— Да вы понюхайте! Неужели ничего не чувствуете?

Нет. Значит, только я этот запах слышу, видно, это сын со мной и вами прощается. С тех пор, когда цветёт моя мурайя, я знаю: это привет мне от сына...

Хотели у него на телефоне посмотреть номера, да, может, фото какое было. Но телефон заблокировался, а пин-код мы не знали. Симок у него было несколько. Какие нашли коды — попробовали ввести, но не то. Мучились несколько дней, многие пытались, но не могли открыть

заднюю панельку, достать симку. И как-то утром перед фотографией стою, разговариваю с ним, прошу:

— Сын, хоть дай знать, где ты пин-код записал! Не можем разблокировать телефон.

В тот же вечер муж взял телефон в руки, легко сдвинул панельку — там на бумажке пин-код! Муж даже в своём телефоне не знал, как панелька открывается! А тут будто телефон его ждал!

День начинала с разговора с сыном. Встану перед портретом, поговорю, поплачу. Как-то прошу его:

— Хоть дай знать мне, что ты там не страдаешь, не мучаешься! Приснись мне, или пусть ещё какой знак. Чтобы я знала...

Приснился не мне, а дочери. Идёт она по берегу моря или океана, сын в шезлонге сидит, в панаме, чёрных очках. Рядом транзистор, музыка играет, удочки. Дом красивый в глубине поляны стоит, лес дальше. Что он любил, что он рисовал незадолго до смерти... А на следующий день приснился племяннице, они погодки, дружны были очень. Идёт она по полю, а навстречу ей сын. «Пойдём,— говорит,— я тебе покажу, где живу». И выводит... на такое же место, какое дочь видела. Всё совпало.

На сорок дней другой племяннице приснилась моя мама, умершая уже десять лет назад. Вытирает слёзы: «Вот и Минька здесь, видно, тоже умер!» Только она его так всегда звала. Как тут не поверить в жизнь по ту сторону черты? Как не поверить в старые приметы: обе собаки ушли следом за сыном. Одна на сорок дней, другая на полгода. И кот ушёл вместе с ними. Пришлось нам всех животных заново заводить. Сын любил собак, да и кот не обижал.

Пришла первая осень. Дом внутри привели в порядок, прируб сделали, отопление. Надо было доводить до ума камин, но он никак не давался. Сама пробовала обкладывать плиткой — ничего не выходило. Пробовали искать плиточника — тоже не получалось. Только с одним договоримся — в запой уйдёт, другой руку вывихнет, третий просто потеряется. И тут случайно мужу друг сына встретился, и в разговоре выяснилось, что он тоже кладёт плитку. А мы даже не знали. Стал работать вечерами да в выходной. Работал не торопясь, но аккуратно. А я рядом на подхвате была. И вот в один из дней, уже поздно было, темно за окном, сижу, смотрю, как Димыч работает. И вдруг вижу боковым зрением:

сын рядом, у стенки, на чурбачке сидит, покуривает и вроде как другу говорит: «Ты не болтай, а работай, работай!» И смеётся. Ушла в другую комнату, плачу, в окно смотрю. А Димка спрашивает: что, мол, сына увидели? Видно, тоже заметил...

Глава шестая

Только после сорока дней женщина смогла снова прийти в больницу, где в реанимации почти три недели лежал её сын. Она хотела расспросить врача о мельчайших подробностях последних минут его жизни. Она терпеливо ждала его в приённом покое, теребя пакет с коробкой конфет, с чаем, с банкой кофе. Он вышел, узнал. По лицу пробежала тень: видно, мелькнула мысль, что сейчас эта женщина начнёт с упреков или со слёз. Врачам тоже трудно говорить о смерти своих пациентов. Но она шагнула навстречу, протягивая пакет:

— Сорок дней прошло, помяните моего сына. Вы же были последние, кто видел его.

— Спасибо, я передам девочкам,— врач взял пакет.

Он понимал чувства матери, здесь отказываться нельзя.

— Скажите, может, всё-таки надо было его отвезти в Иркутск?

— Это не помогло бы. Я же вам сразу говорил: только ждать. Поверьте, ожоги всегда опасны последствиями. Не выдержало сердце. Оно остановилось на пике биения. Мы даже не смогли его завести. Ни всплеска, ни вдоха. Обычно хоть какой-то скачок на мониторе, здесь — ничего... Мы несколько раз пытались...

Он чувствовал себя неудобно под её взглядом, а она всматривалась в его глаза, пытаясь увидеть подтверждение его словам.

— Вы знаете, я думала, что ожог всё-таки не очень сильный. Ведь я его сдавала в больницу в сознании, чуть опалённого. А когда его привезли домой, я увидела, я поняла, почему он не захотел выходить из комы... Они там всё видят: себя, будущее...

— На его месте я бы тоже не стал возвращаться...

Последний разговор с сыном

— Сын, ты семнадцатый день в реанимации. Семнадцать дней мы с папой тебя не видим, нас к тебе не пускают.

Семнадцать дней утром и вечером я приезжала к тебе и слышала от врача: «Положение крайне тяжёлое! Самая опасная стадия ожоговой болезни — третья. Выдержат почки и сердце — будет жить! Пока ещё рано говорить об этом. Молитесь и ждите!» Сын, у тебя есть шанс: температура не поднимается слишком высокая, почки справляются, сердце работает. Сын, несмотря ни на что, я вижу тебя живым, с лёгкими шрамами на лице от ожога, ты улыбаешься мне своей лёгкой улыбкой, собираясь куда-то по делам. Я знаю, после таких ожогов тебе нужна будет пластика. Господи! Сын, главное, чтобы ты выжил! Все семнадцать дней мы с папой живём одной мыслью: ты! Наш сын! Тебе тридцать один год, но ты для нас всё равно остаёшься младшим. Выживи! Мы все молимся за тебя, мы все надеемся! Сына, я видела ангела около тебя! Ты должен выкарабкаться! Ты же у меня сильный и упрямый! Вчера доктор впервые начал разговор про то, что у тебя будет обезображено лицо после ожога, будет психологический шок от увиденного, когда ты очнёшься и придёшь в себя. Он уже предупредил нас, что, может быть, ты будешь нуждаться в реабилитационном уходе. Видишь, он тоже верит в тебя, что ты будешь жить, что ты скоро выйдешь из комы. Сына, мы согласны на всё, лишь бы ты выжил... Я смотрю на твою фотографию, разговариваю с тобой... Ты улыбаешься мне... Сын, выживи!

— Мама, а я вижу себя с высоты, вижу своё обезображенное лицо, чёрное от ожога, вижу аппарат искусственного дыхания, который мне подсоединили, когда я перестал дышать... Я вижу тебя и папу, вижу ваши слёзы, я знаю, что вы меня любите. Я тоже люблю вас. Мама, здесь я вижу другой мир, здесь так хорошо! Здесь такой свет и такие краски! У вас там такого нет! Мама, здесь нет боли! Я здесь счастлив! Мама, мне показали мою жизнь, если я выживу. Да, лицо моё будет далёким от красоты, а моё состояние будет тяжёлым... Вы будете биться за меня, возить меня на пластику лица, это очередные муки как для меня, так и для вас. Я буду чувствовать вашу боль и переживания за меня и сам буду от этого страдать... Я этого не вынесу, я не хочу жить в таких муках. Вы не перенесёте очередной боли от трагедии... А я хочу, чтобы вы жили. Пусть лучше раз, сразу, вы отстрадаете от моего ухода, чем будете страдать и мучиться ещё очень долго... Мама, я отдаю свою жизнь вам! Присматривайте за

папой, вы нужны и ему, и дочери, и внукам. У вас ещё много дел на земле. Не плачьте, мама! Я люблю вас! Но это мой выбор: я не вернусь... Я останавливаю своё сердце...

— У меня для вас есть неприятное известие. Сегодня, в три часа дня, ваш сын умер.

— Сына, зачем ты это сделал? Зачем ты остался там? Почему ты не вернулся? Мы так тебя ждали, мы так молили Бога о твоём выздоровлении! Сын, как нам пережить твою смерть? Как нам это всё вынести? Жизнь раскололась на две половины: с тобой и без тебя... Я смутно помню похороны... Я видела твоё обожжённое лицо, ещё в коростах, которые так и не успели убрать в реанимации... Я поняла, почему ты остался там... Ты так поступил от огромной душевной доброты, от любви к нам... Ты всегда не любил, когда твои проблемы решали мы, ты всегда решал их сам... Даже в детстве, когда был маленький... И сейчас ты одним решением избавил себя от боли и от страдания, нас — от дальнейших проблем... Только нас об этом не спросил... Ты всегда был рыцарем... И сейчас ты пожертвовал своей жизнью ради нас... Я понимаю тебя. Я отпускаю тебя. Лучше я буду здесь страдать за тебя. Сына, я всё время разговариваю с тобой. Я смотрю на твой портрет, пусть не очень удачный — ты никогда не любил фотографироваться. Твой взгляд, упрямый, с лёгким вызовом, прожигает мне сердце. Я ощущаю тебя рядом, я вижу тебя, слышу... Твой запах хранит твоя одежда, инструменты хранят тепло твоих рук, твоя любимая песня рвёт мою душу... Сына, я никогда не думала, что слёзы могут так жечь... Сына, я себя уговариваю, что ты просто уехал куда-то далеко. Сына, дай знать, что тебе там хорошо, ты там счастлив, ты там не страдаешь! Ради этого я всё вынесу, вытерплю. Извини, если мы, как родители, что-то делали не так, что-то недочувствовали, недолюбили, недоглядели... Ты всегда будешь рядом с нами, в наших с папой сердцах. Я обещаю тебе жить — ради тебя, ради твоей памяти, ради твоей оборвавшейся жизни...